

ПРИЛОЖЕНИЕ

Речи, произнесенные архиепископом Фаддеем в семинариях, гимназиях и церковных школах, на открытии и закрытии педагогических курсов

Слово при открытии педагогических курсов для учителей и учительниц земских школ ^[*1]

Бе свет истинный, иже просвещает всякаго человека грядущаго в мир (Ин. 1, 9).

Посмотрим ныне, братие, на предстоящее нам дело народного просвещения с той высоты духовного созерцания, на которую возводит нас «зритель неизреченных откровений» и изъяснитель будущих судеб всего мира святой апостол Иоанн Богослов, написавший «духовное» Евангелие и глубже всех предызобразивший духовное настроение человечества во времена последние в своих писаниях. Этот возлюбленный апостол Христа Бога, который возвестил о «Слове жизни» то, что он видел и слышал, который осязал руками это Слово, имевшее «славу Единородного от Отца, исполненного благодати и истины» (Ин. 1, 14), как бы прозрев сквозь духовную тьму, в течение веков имевшую облегать мир, указывает нам на истинный свет, всегда «во тьме светившийся» и тьмою заблуждений людских никогда не объятый. Этот саможизненный свет давал всегда жизнь миру, «во зле лежащему», и в «належащей мгле языков» сиял всегда, как «звезда светлая и утренняя» (Откр. 22, 16).

Но к сему ли свету «тихому святых славы безсмертнаго Отца небеснаго» устремлены взоры людей? Увы! все более и более люди хотят

искать света только в учениях человеческих, не дающих жизни. Учения эти, составляющие мудрость земли, пытаются сдвинуть с места тот «камень краеугольный», который положил в основание жизни мира Сам Бог, камень же сей Христос. Таково прославленное в последнее время учение Ницше, которого считают провозвестником новых откровений и звездой современной философии. Его учением, составляющим плод современных, нередко ложных изысканий науки, особенно естественной и исторической, и открывающим полную свободу для страстей, увлекаются более, нежели учением другого современного лжеучителя, требующего строгости жизни, Л. Толстого. По его учению – христианство, требующее борьбы со страстями, далеко от природы человека, развитию которого должна быть предоставлена полная свобода. И вот, хотя многие не знают в точности учения Ницше, называющего себя антихристом и любимыми своими мыслями самые злейшие и разрушительные (см., например, конец книги «По ту сторону добра и зла»), однако его учением об естественности грубых, диких страстей и невозможности осуществить заповеди христианства в действительной жизни проникнуты весьма многие.

Озирая лице земли Русской, со скорбью мы видим, что из высших, иногда лишь по имени только интеллигентных, классов общества волна этой разнузданности мысли и воли все более идет в народ и грозит опустошить любимое достояние его – веру Христову. Еще по преданию и привычке он крепко держится этой веры, но холод страстей может корень и его жизни погубить, сделав его маложизненным, как подточен он уже сомнениями в большей части так называемого интеллигентного общества. И может случиться с ним то же, что с одной из древних христианских Церквей: *ты носишь имя, будто жив, но ты мертв* (Откр. 3, 1). Не за то ли постигают его и постоянные бедствия: то голод, то засуха, то град, то землетрясение, что он оставляет веру отцов и не держится ее всем сердцем? Не оттого ли высшие классы общества озираются в недоумении, где найти исход из современного печального по-

рядка вещей, и нигде не видят помощи человеческой, ибо бессильною оказывается эта помощь там, где необходима высшая помощь Божественная, к исканию которой и призываются ныне от лица самого Государя в его последнем рескрипте на имя министра народного просвещения все деятели этого просвещения?

И вот, ныне все мы, призванные быть просветителями народа, что должны положить в основание этого просвещения, как не веру Христову? В течение многих веков делались попытки ниспровергнуть этот камень краеугольной жизни человечества, но «всуде трудились» (Авв. 2, 13) и надрывали силы свои. *Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным?* (Пс. 2, 1). Ибо всякий, пытавшийся ниспровергнуть камень сей, сам сокрушался и повергаем был в неисходную скорбь, тоску и смерть души. Посему «будем приступать к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устроить из себя дом Духовный» Христу! Ибо не сожмется ли сердце каждого из нас от скорби, когда увидим, что отнимается от нас Царствие Божие и отдается другому народу, более нас способному приносить плоды его (Мф. 21, 43)?

Возвратим же Господу Богу нашему и Христу Его «любовь юности нашей» (Иер. 2, 2), принесем в дар Ему то, что каждый имеет лучшего: кто имеет ум, тот пусть употребит его, во-первых, на распространение «ведения Господа» на земле (Ис. 11, 9); кто имеет доброе сердце, тот пусть постарается вселить любовь к Богу и к людям меньшей братии Христовой, во всех, с кем будет обращаться; кто имеет сильную волю, тот пусть постарается «обратить сердце отца к сыну и сердце человека ко искреннему его», ибо без послушания не может стоять ни семейная, ни государственная, ни общественная жизнь!

Не отступим от заветов, оставленных нам отцом русской педагогики К. Д. Ушинским и недавно почившим самоотверженным подвижником народного просвещения С. А. Рачинским, которые высшее всяких учений человеческих учение Христово хотели положить в основание

педагогике! Сохраним и в себе этот свет Христова учения, глубоко внедренный в сердцах наших еще при самом вступлении в мир сей, и вышцем его, как драгоценного сокровища, ради которого мы готовы были бы оставить все, лишь бы его приобрести прежде всего! И весь разнородный материал просвещения, из которого духовно создается человек, постараемся приспособить к единой высшей цели человеческого существования! Цель же сия – приготовить в душе каждого внутреннюю храмину для обитания Христа, Который бы был светом вечным и истинным, «просвещающим всякого человека грядущаго в мир» (Ин. 1, 9)! Аминь.

Слово при закрытии педагогических курсов для учителей и учительниц земских школ ^[*2]

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14).

Эти слова боговдохновенного апостола и возьмем, братие, в руководство при оценке значения приобретенных вами здесь сокровищ ума. Прошло около месяца напряженных занятий, в течение которого вы хотели сделаться обладателями всего лучшего, чем располагает современная наука, чтобы поставить учебно-воспитательное дело в школе на надлежащую высоту. Часть занятий ваших была направлена непосредственно на подготовку к учебно-воспитательному делу и уяснение способов сообщения знаний в школе, часть – на то, чтобы найти доступ к пользованию открытиями, какие успела сделать современная наука. Весьма много было заметно оживления во всех этих занятиях, так что, по-видимому, вправе вы были считать свои занятия относящимися к самым существенным запросам жизни и возводящими на ту высоту, ко-

торая представляется вожделенным пределом для неутомимо пытливого человеческого ума. Так это действительно и было бы, если бы эта высота, с которой рассматривает ум человеческий в течение веков разные проявления бытия и жизни, сама была тверда и неподвижна, если бы, поднявшись на эту высоту, человек не чувствовал головокружения от неестественности своих полетов, напротив, испытывал спокойное состояние удовлетворенности, свойственное человеку, ощутившему сладостную полноту уравновешенной во всем жизни.

Всмотримся же теперь в самый характер приобретенных вами познаний, чтобы видеть, во всех ли отношениях направление занятий ваших следует назвать (вполне) благотворным для составляющего предмет ваших забот дела народного просвещения и подлинно ли открытие неведомых дотоле многих тайн науки сообщило уму надлежащую ясность и способность к легкому разрешению занимающих его вопросов жизни. Обязанный по долгу пастыря Церкви возвестить вам слово не человеческое, а Божественное, я должен ныне, братие, напомнить вам о том, что истинно велико не в очах людских, а в очах Божиих. «Будут ли тебя слушать или не будут, говорил некогда Господь пророку Иезекиилю, пусть знают, что было к ним слово Господне!» (Иез. 2, 5–7). Посему обратимся опять к приведенным нами ранее словам апостола.

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия. Можем ли мы сказать, что «мудрость», которой мы здесь искали, была по направлению «духовной», т.е. направленной к высшим требованиям человеческого духа, а не «душевной», которая вращается около забот о земном лишь существовании? И прежде всего, многие ли из вас стремились к тому духовному назиданию, которое приобретается в храме Божиим, многие ли в «день Господень» оставляли свои суетные занятия и попечения, чтобы принять участие в общем церковном собрании? Не могу не засвидетельствовать вам в настоящую минуту о той радости, которую испытывал я, когда видел некоторых из вас в церкви в дни христианских праздников; но не могу в то же время и скрыть той «вели-

кой для меня печали и непрестанного мучения моему сердцу» (Рим. 9, 2), которое испытывал, когда видел, что многие относятся к этой потребности христианской души с непростительным легкомыслием и пренебрежением. Я видел, что многие из вас сами тяготились таким стеснением высших требований духа, и однако лишь сравнительно мало замечал исповедующих это открыто пред всеми.

Но, может быть, скажут многие в ответ, что взамен того приобрели они такие сокровища умственные, ради которых следует признать извинительным и стеснение религиозных требований духа? В подобном-то ответе и сказывается неискоренимая привычка к тому иностранному западноевропейскому порабощению свободной русской мысли и жизни, на которое столь давно еще начали указывать наши русские писатели. Доселе русский народ не чувствует потребности освободиться от нигилистического ига Запада, которое все сильнее и сильнее ложится на высшие потребности духа, вытравляя в сердце его потребность веры в Бога. Ибо какие приобретения ума могут заменить ту «душу живую», которая столь необходима в деле обучения, особенно же воспитания? Пусть на уроках русского чтения дети постигнут все совершающееся во внешней природе, строение растений, жизнь животных и т.д., – неужели к знанию этого более всего стремится их душа? Что сделается с нею, если, постигнув все это, она останется в неизвестности относительно величайших сторон собственной жизни и ее жизнь не приобщится в жизни «Лозы истинной» (Ин. 15, 1), к которой она привилась бы, как одна из ветвей? Что будет с детской душой, когда взор ее будет всецело устремлен вне себя и не будет совсем различать совершающегося внутри?

Наука естественная хочет самого человека рассматривать исключительно как механизм вещества и его разум – как одно лишь из самых удивительных сочетаний того же вещества; вместо естественной жизни. Она своими силами хочет создать жизнь искусственную, которая могла бы заменить первую. Но тщетны эти усилия, ибо чем более веков

существует мир и удаляется от естественной жизни, тем более охлаждается в нем любовь людей друг к другу, которая составляет истинное существо и главное счастье человеческой жизни. Наука историческая пытается вывести все явления человеческой жизни из несложных потребностей телесной жизни и из условий страны, которые или благоприятствовали, или не благоприятствовали ее развитию. Но она забывает нередко, что, кроме этих явлений низшего порядка, есть еще высший, не объяснимый из первого. Когда явилось на Руси христианство, – то из потребностей ли найти пищу, одежду, жилище оно возникло и для их ли удовлетворения создано затем духовное просвещение? И напротив, влияя на нравы общества и просвещение, не видоизменяло ли оно само весьма многое в означенных явлениях низшего порядка? Кто, например, может сказать, что освободительная реформа Александра II, при всей даже ее экономической необходимости, не зависела также от христианского учения, которого величие несоизмеримо с веками?

Вот те мысли и чувства, которые особенно занимали меня в продолжение курсов. Посещая их с благим и искренним намерением ознакомиться с постановкою просвещения народного в земских школах, которое не менее дорого пастырям Церкви, чем земским деятелям просвещения, я считаю ныне благовременным еще однажды напомнить вам то, что должен был сказать я по сознанию долга пастыря Церкви. Я питаю уверенность, что во многих легкомысленное отношение к вере и Церкви христианской не есть выражение вполне искреннего и установившегося окончательно настроения, как это сказал и известный всей России пастырь ее Церкви преосвященный Антоний в своей вступительной речи к волынской пастве об интеллигентном классе русского общества. Пророку Илии, когда во дни крайнего усиления нечестия в Израиле он исполнен был ревности о Боге Израилеве и думал, что никого не осталось в Израиле верного своему Богу, – было открыто Богом, что Он сохранил в Израиле 7000 человек, не преклонивших колен пред Ваалом (3 Цар. 19, 18). Тем более среди вас, просветителей народа, в

котором еще столь много простой и искренней веры в Бога, найдется весьма много искренне служащих Богу и нелицемерно носящих достоинство покланяемое имя Христово. Аминь.

Слово на молебне при закрытии курсов для учителей церковноприходских школ ^[*3]

Слово Христово да вселяется в вас богато, во всяцей премудрости, учаще и вразумляюще себе самех во псалмех и пениих и песнях духовных (Кол. 3, 16).

Вот, братие, слова, показывающие, какое настроение должен стараться созидать в себе каждый христианин, особенно же призванный быть учителем народа. Не блеск земной мудрости должен более всего привлекать его, а «живое и действенное» (Евр. 4, 12) слово Божие. Не разнообразием познаний, касающихся земли и того, что происходит на ней, должен он прежде всего наполнить сокровищницу своей души, а «богато вселившимся» в нее словом Христовым.

Это слово должно быть для него источником премудрости, который вливал бы живительную струю во все хранящиеся в ней знания и целительно действовал бы на возрастающие в душе добрые насаждения разных учений. Пусть это слово Божественной премудрости многим кажется однообразным, но велика ли цена разнообразной земной мудрости, когда она вместо того, чтобы приводить к Богу, еще более окутывает ум мраком суетных страстей, к которым приспособляется, чтобы сделаться приятною? Напротив, какие дивные действия в сердцах производит Божественное слово и как они, вначале будучи незаметными, все более и более покоряют сердце и все движения души приводят в единение с законом, данным Богом! Посему в чем ином, как не в слове Христовом может находить воспитатель неисчерпаемый и главный ис-

точник для добрых влияний, из которых, как из какого-нибудь вещества, «слагается стройно здание» (Еф. 2, 21) духовного человека? И в самом деле, в самолюбии ли человека искать опоры для добрых влияний на воспитываемого, когда самолюбие естественного человека, не возрожденное действием слова Божия (1 Пет. 1, 23), направляется по преимуществу на зло, а не на добро и самолюбие одного человека, воспитываемого, встречает непреодолимое препятствие в самолюбии другого, воспитателя, пока «не ищущая своего» и в единение всех приводящая любовь, высочайший образ которой показан нам Христом, не проложит путь доброму влиянию слова.

И вот, ныне мы, братие, прежде чем рассеяться каждому в свою сторону для распространения Боговедения и других полезных в этой жизни знаний, должны дать себе отчет, насколько проникло в нашу душу действие Божественного слова: не осталось ли оно только на поверхности нашей души, как какой-то придаток, которым мог бы каждый пользоваться или не пользоваться, смотря по собственному желанию, или оно так глубоко проникло в нашу душу, что она не приходит и в движение без воспоминания этого слова? Ибо если наша собственная душа не преобразовалась от действия Божественного слова, то как наше, носящее всегда на себе следы нашей душевной нечистоты, слово может преобразить души других людей?

Не для того, чтобы возбудить в вас какую-либо суетную гордость, не для того, чтобы вселить в вас самоуверенность, о которой столь любят говорить люди мира сего, а для того, чтобы вы знали, что составляет истинную похвалу пред Богом и еще более твердо шли по пути, который избрали и возлюбили, – ныне, в день вашего разъезда, должен сказать вам, возлюбленные братие, словами апостола, что проповедь наша к вам была не тщетна и «вход наш к вам был не бездейственным» (1 Кор. 15, 14; 1 Сол. 2, 1). Поистине пришлось нам видеть, что *проторжеся вода в пустыни и дебрь в земли жаждущей*, призыв к «жаждущим идти на воды» (Ис. 35, 6; 55, 1) нашел отклик в сердцах многих,

если не во всех вас. С каким усердием и охотою занимались вы всем, касающимся близкого вашему сердцу дела воспитания и обучения детей! Как много и безропотно переносили вы труда и как мало при этом сравнительно позволяли себе развлечений! С какою любовью и доверием относились вы к тем, кто призван был передать вам необходимые знания и наставления, хотя бы и сам он не чужд был многих недостатков! Пусть в ваших собственных занятиях с детьми не было заметно особенной какой-либо обработанности приемов преподавания и воспитания, но зато как заметна была обыкновенно в них душа живая! Пусть в вашем пении также было, может быть, немало недостатков, которые неприятны для изящного слуха, но зато какое одушевление слышалось в самых словах молитв, которые вы пели в церкви, или во время учебных занятий, или утром и вечером! Даже самые дети, которые приходили сюда во время пребывания вашего здесь, как нередко могли умилять взоры внимательного наблюдателя! Как они молились пред началом и после урока, как устремлялось их внимание к говорящему, когда он одушевленно излагал им жизнь и учение Божественное или сообщал вообще какие-либо другие сведения, возбуждавшие работу их ума и сердца!

Все эти мысли и чувства, которые, вероятно, испытываются теперь многими из вас, должны вы постараться запечатлеть в душе своей, так чтобы они оставили след в ней на всю жизнь. Пусть всегда вспоминаются вами добрые слова, слышанные здесь, пусть всегда слышатся вам как бы отзвуки тех «псалмов, пений и песней духовных», которые научились петь здесь! Пусть слово Христово, вселившееся в сердца ваши, и впредь очищает вас, дабы вы, сами очищаемые им, могли и других очищать от скверн мира, приводя их в единение чрез Христа с Богом: «да будут совершены воедино, и да уверует мир, что Бог послал вас и возлюбил вас, как возлюбил Сына Своего», «освятившего Себя» в очистительную жертву за грехи мира. Тогда откроется слава (Ин. 17,

19, 23, 24) Церкви Христовой на земле и «царство мира соделается царством Господа нашего Иисуса Христа» (Откр. 11, 15). Аминь.

Речь, сказанная окончившим курс воспитанникам и воспитанницам Олонецкой гимназии на молебне ^[*4]

Чувствуется, друзья мои, особенная потребность сказать вам в настоящий прощальный час слово, которое было бы для вас некоторым напутствием при вступлении в жизнь или в высшее учебное заведение. Трудная задача сказать такое слово! Жизнь столь многообразна и уклончива в путях своих, что только всеобъемлющее око Божие, которое надзирает за всеми путями жизни человеческой, может удобно обозреть все эти пути. Для слабого же человеческого взора это тем труднее, что с течением веков люди все более и более отдаляются от Бога сердцем, хотя «ходить путями своими» (Деян. 14, 16), последним основанием своих действий начинают считать, особенно под влиянием ложного мыслителя Ницше, лишь слова: «я хочу».

Как представителя Церкви меня объемлют опасения особенно за то, чтобы кто-либо из вас «не претерпел кораблекрушения в вере», по слову апостола (1 Тим. 1, 19), тем более тогда, когда при вступлении в высшее учебное заведение гордый ум сам начнет усиливать опасности подобного кораблекрушения. Умственному взору моему предносятся различные опасности, которым по выходе из гимназии может подвергнуться ваша вера во Христа и преданность Его Церкви. И прежде всего для тех из вас, которые с учением Церкви Христовой познакомились только из учебников, восприняли его только по доверию к Церкви, не вдумывались сами в жизненное содержание христианства, не имели никакого опыта духовной жизни, – грозит опасность со стороны лжеучений Л. Толстого. Вас могут поколебать в вере нападки на хранительницу веры – Церковь этого мудреца века и великого писателя, возмнившего, будто он понял учение Христово лучше, чем Церковь, обвиняю-

щего Церковь в непонимании и извращении учения Христова, в том, что Церковь старается усыплять совесть людей, вместо того чтобы пробуждать ее.

Еще сильнее могут поколебаться основы веры у тех из вас, умы которых будут ослеплены блеском модного в наше время позитивизма, ограничивающего область познаваемого данными внешнего опыта, ощущениями внешних чувств, отказывающегося или даже не признающего никакой достоверности за данными опыта внутреннего, – учащего даже о том, что все происходит в мире по действию естественных физико-химических сил природы или что, по крайней мере, нельзя открыть в мире никаких следов действия сверхъестественной Божественной силы. Но если позитивизм сам по себе не делает еще области веры совершенно запретною, а только недоступною точному исследованию, то еще более сомнительною по своей достоверности представляется эта область для приверженцев эволюционизма, т.е. учения об естественном развитии жизни на земле из низших форм до высших, – о том, что не только физическая, но и духовная природа человека дошла лишь путем постепенного развития до той ступени развития, на которой стоит теперь, что высшие духовные потребности развились из низших, например из потребностей в пище, питье, одежде (политико-экономические учения).

Что же противопоставим мы в настоящий час всем этим, опасным для не утвердившейся еще веры, ложным учениям? Противопоставим неложное обетование Христово: «созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18). Лжеучению Л. Толстого, составляющему плод заблуждающегося естественного разума, весьма суживающему неисчерпаемое учение Евангелия, противопоставим учение Церкви, во всей полноте содержащей учение Евангелия и живущей по нему в лице лучших своих представителей. Произвольным извращениям текста Евангелий, основанным на сомнении в подлинности последних, противопоставим здравую историческую критику, основывающуюся не на по-

верхностном знакомстве с выводами отрицательной немецкой науки, а на несомненных свидетельствах о подлинности писаний апостольских, начиная с I века христианства. Обвинение в том, что Церковь будто бы удалилась от чистоты учения и жизни христианской Церкви первых веков (см., например, брошюру «Возстановление ада»), легко опровергнем указанием на недостаточное знакомство Л. Толстого с историей Церкви, благодаря которому он, не стесняясь хронологией, переносит события из одного века в другой и получает свои произвольные выводы (см., например, критику проф. А. Лебедева или иеромонаха Михаила на означенную брошюру в «Богословском Вестнике» и «Миссионерском Обозрении»). Обвинению в том, что Церковь извратила учение Христова, противопоставим указание на то, что Л. Толстой не хочет знать истинного учения Церкви, как оно излагается у святых отцов и учителей Церкви или лучших богословов последнего времени, духовных и светских, например у о. Иоанна Кронштадтского, преосвященного Феофана, епископа Антония Волынского, А. С. Хомякова и др.; изобличим еще Л. Толстого в том, что он возводит прямо клеветы на святую Церковь, не желая вникнуть в ее учения и доходит до кощунственного богохуления.

Учению позитивистов об единственном значении внешнего опыта противопоставим учение о внутреннем опыте, к которому, по признанию многих мыслителей или даже естествоиспытателей, сводится внешний опыт со своими ощущениями внешних чувства, – учение о внутреннем опыте, который мог бы приобрести каждый верующий сын Церкви, если бы внимательнее стал всматриваться в пути своей жизни, управляемой Промыслом Божиим; противопоставим далее общий (коллективный) опыт Церкви, к которому не может легкомысленно отнестись беспристрастный ученый, ибо ведь не с последнего только времени начала свою жизнь Церковь Христова на земле и не среди малочисленного какого-либо общества людей существует доселе, так что мы можем повторить слова святого апостола Павла, сказанные им язычнику Фесту,

обличавшему его в сумасшествии: «не в углу все это происходило» (Деян. 26, 24–26).

Противопоставим, наконец, исторический опыт жизни Церкви Христовой, пригласим к исследованию жизни ее, начиная с евангельских повествований, подобно тому, как апостол Филипп сказал недоверчивому Нафанаилу о Христе: «прииди и виждь» (Ин. 1, 46). Сторонникам постепенного чисто естественного развития жизни на земле от низших форм до высших, опирающимся, главным образом, на исследования остатков жизни, скрытых в недрах земли, и на наблюдения за развитием живого существа, начиная с его зарождения в утробе матери, укажем на мужей совершенных в Церкви Христовой, соблювших во всей чистоте образ и подобие Божие и чрез то особенно наглядно свидетельствующих о невозможности перейти грань между сотворенным по образу и подобно Божию человеком и неразумными тварями; укажем на неисчерпаемое богатство идеализма или возвышенных духовных стремлений, вопреки учению о постепенном развитии, неизменно хранящееся в Церкви в течение едва не 2-х тысячелетий, и даже более, потому что дух Христов обитал еще в праведниках ветхозаветных, живших до пришествия Христа на землю. Укажем на то, что тщетно мы стали бы искать подобного духовного богатства вне Церкви, хотя отдельные проявления человеческой естественной добродетели, вроде подвига Муция Сцеволы, тщательно записываются историей, и в то же время она безучастно относится или даже закрывает глаза на высечеловеческие подвиги бесчисленного множества мучеников, проливших кровь свою за Христа и приводивших скорее в изнеможение своих мучителей своей непреклонностью, – преподобных, которые, удалившись в непроходимые, безлюдные пустыни, отказывались от всех удовольствий земной жизни, пастырей Церкви, полагавших души свои за овец стада и т.д. Как странно, в самом деле, из низших потребностей в пище и питье или из чувства самосохранения, борьбы за земное существование выводить подвиги святых Церкви, которые, воспламенившись лю-

бовью ко Христу, удалялись на необитаемые острова, где иной раз едва можно было достать пищу или воду для питья, в непроходимые леса, где грозила постоянная опасность их жизни от лютых зверей, в неизвестные страны для проповедания веры Христовой диким народам, грозившим постоянно истребить проповедников! Воистину это были люди, которых не был достоин весь мир, благодаря нечестию своему побуждавший их удаляться от него. И однако более, чем кого-либо, всегда должен был узнавать их мир, как носителей действующей в мире высшей Божественной жизни и силы, по слову апостола: *Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы... мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем* (2 Кор. 6, 9–10).

Вот тот Камень, на Котором непоколебимо основана Церковь Христова, о Который суждено разбиться всем ложным учениям человеческим! И блажен тот из вас, кто не отторгнет себя от этого Камня! Блажен, кто не в минуту отчаяния лишь будет прибегать к нему, как, например, главный герой повести Гарина (Карташев в повести «Гимназисты»), но и всегда! Такой человек, по слову Господа, уподобится мужу благоразумному, построившему дом свой на камне. *И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне* (Мф. 7, 25).

Вера ваша будет подвергаться, быть может, весьма сильным колебаниям от лжеименных учений века сего. Но помните, что ведь вы еще сравнительно мало изучили веру Христову, более по книгам, чем по опыту жизни, что вы, быть может, не видели сокровенных по большей части для мира живых носителей ее, мало читали о них и слышали. Далее, сама точная наука возвещает, что многие тайны природы нам остаются неизвестными и, быть может, навсегда останутся такими (*ignoramus et ignorabimus* – Дюбуа Реймон), а потому было бы несогласно с приемами исследования этой самой науки, ради стремления разума подвести все под известные уже ему законы, отвергать учение

веры, без надлежащих фактических данных против нее и имея весьма многие данные за нее. Наконец, напомним вам о том неизреченном блаженстве, твердости и непоколебимости, которая отличает всегда жизнь истинных сынов Церкви, по слову апостола Иоанна Богослова: *Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими... Возлюбленные! мы теперь дети Божи; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть* (1 Ин. 3, 1–2); увидим, по слову другого апостола – Павла, то, чего «не видело око, не слышало ухо и что не приходило на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9). И пусть не укоряет никто истинных сынов Церкви в том, будто ради малодушного избегания зол жизни, не желая бороться с бедствиями ее и помогать прочим в этой борьбе, ищут они подобного блаженства. Нет, никто не идет путем более тесным, чем истинные последователи Христовы, которые более, чем все прочие люди, отрекаются от своего собственного покоя ради Бога и ближних своих.

Да сохранит же всех вас Господь Иисус Христос в единении с Собой во все дни жизни вашей, чтобы, по слову Его, «радость Его в вас (всегда) пребывала и радость ваша была (всегда) совершенна» (Ин. 15, 11)! Аминь.

Несколько слов о необходимости для проповедника тщательного изучения Священного Писания Ветхого и Нового Завета и пользования им в проповедях ^[*5]

Некогда Господь сказал слушавшим Его ученикам: *Всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое* (Мф. 13, 52). Таким правилом всегда руководилась Церковь Христова в отношении к Священ-

ному Писанию Ветхого и Нового Завета. Читая и извлекая назидание для верующих из священных книг Нового Завета, она никогда не переставала пользоваться и Ветхим Заветом. Святые отцы и учителя Церкви (как, например, Ефрем Сирийский, Иоанн Златоуст, Василий Великий и др.) объясняли своим слушателям целые книги Ветхого Завета; в богослужении эти книги постоянно читались наравне с новозаветными; содержание богослужебных песней, стихир, канонов, прокимнов и т.д. в значительной степени заимствовано из священных ветхозаветных книг, сообщивших какую-то особенную поэтическую прелесть и живость песнопениям и молитвословиям Церкви.

Та чистая, детская, непосредственная вера, которую дышат писания ветхозаветных мужей, столь же обаятельно действует на сердце, как воспоминания о днях детства и юношества нередко служат для людей, достигших возраста мужества и старости, источником самых возвышенных настроений, возгревающих охладевшее сердце и возбуждающих волю на новые и новые подвиги. В особенной же степени подобное значение имеют псалмы и книги ветхозаветных пророков. Своими боговдохновенными созерцаниями ветхозаветные пророки как бы перекидывают мост от тех чаяний и надежд, которыми жила Церковь, а чрез нее в той или иной мере и все человечество с самого начала, к той действительности, в которой живем мы и которая, развиваясь пред нашими глазами, найдет свое завершение в конце времен, когда вместо этого обветшавшего неба и земли явится новое небо и земля новая.

И если в настоящее время лишь очень немногие знакомы с ветхозаветною Библиею в ее непосредственном виде, а не по учебникам лишь Священной Истории, в которых значительно утрачен бывает обыкновенно самый дух ветхозаветной Библии и ее своеобразный язык, то об этом следует глубоко сожалеть. Мифы и легенды классической древности встречают более внимания и сочувствия себе в нашем обществе, чем чистые источники веры, какою жила Церковь в период

своего детства. Никто почти не хочет заметить, сколько разумения духовной жизни и мыслей самых возвышенных о всех ее явлениях сокрыто в этих архивах древности. При внимательном отношении к ветхозаветным пророчествам в них не только нельзя заметить следов какой-либо первобытной дикости и некультурности, но, напротив, в них сияет всегда тот же свет небесной истины, который сиял в воплотившемся Слове и который до явления Его на земле лишь во тьме светился, ею не обнимаемый.

Все это, налагая какую-то особенную печать на писания ветхозаветные, ясно свидетельствует об их боговдохновенности и побуждает нас высоко ценить «вернейшее пророческое слово... как светильник, сияющий в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах наших» (2 Пет. 1, 19). Единый Дух Святой есть Источник вдохновения как новозаветных, так и ветхозаветных священных писателей, а не какая-либо инородная мудрость, и всякий, имеющий способность ощущения духовного, тотчас заметит это, когда начнет внимательнее вчитываться в книги Ветхого Завета. В книгах пророческих замечаем мы предчувствие иной, высшей, духовной жизни, которая впоследствии открылась на земле чрез явление Христово. И хотя это предчувствие не всегда было ясно у пророков, однако все-таки они могли им руководиться в жизни. Ведь и мы не живем ли нередко подобною же предчувствующею будущие события верою, пока не видим осуществления своих лучших чаяний и идеалов? Мы живем верою в пророчества о втором пришествии Христа на землю, заключенные в книгах новозаветных, как пророки жили верою в первое пришествие Христово.

Отсюда само собою понятно, какое значение должны иметь для проповедника книги Священного Писания Ветхого Завета. Пусть он чаще прибегает к ним, как памятникам самой живой, чистой, как бы детской веры, и воодушевляет слушателей живыми проявлениями ее в ветхозаветных людях! Пусть засвидетельствует он, что истина Христо-

ва, содержащая Церковь, не нова, но развивалась, подобно развивающемуся постепенно из семени ростку, с самого начала существования на земле Церкви, что «Novum Testamentum in Vetere latet, Vetus in Novo patet», т.е. «Новый Завет скрыт в Ветхом, Ветхий открывается в Новом». Седая древность не делает ли предмет особенно ценным и привлекательным? А вместе с тем не является ли изначальное почтительное отношение к этому предмету народов наглядным свидетельством того, что не напрасно же чтился он в течение столь многих веков? Пусть покажет проповедник на основании священных книг Ветхого Завета, как начатки веры и жизни духовной постепенно раскрывались в людях от возраста, так сказать, духовного детства до возраста «мужа совершенна», привести в который людей явился на землю Христос Спаситель! Пусть тем, кто не достиг возраста совершенного, он предлагает начальное учение Ветхого Завета и от начатков постепенно возводит к совершенству! Пусть покажет, что сбылись чаяния людей Ветхого Завета, и это является залогом того, что сбудутся и наши чаяния, касающиеся «откровения сынов Божиих», соединенные со стенанием и воздыханиями о наступлении времен и событий, которых мы еще теперь не видим и ожидаем в терпении (Рим. 8, 19, 22–25)! Пусть, наконец, извлекает назидание из священных книг Ветхого Завета и для всех, так как пребывают вовек и, следовательно, вечное значение имеют глаголы Божии, источником всегдашнего назидания служат боговдохновенные псалмы, молитвы в день скорби, хвалы и славословия в дни духовной радости, исповедание помыслов сердца и грехов, размышления о краткости, мимолетности человеческой жизни, ее суетности, радостное восхищение духа от служения Богу, правила богоугодной жизни и т.д.

Если столь велико значение для проповедника знания Ветхого Завета, то что сказать о Новом? Чрез боговдохновенные книги Нового Завета, написанные апостолами, сподобились люди услышать слова лучшие, чем когда-либо приходилось слышать людям на земле: они ус-

лышали чрез проповедь учеников Слова те глаголы, которые возвещало Само Ипостасное Слово и Премудрость. Что же может быть выше и действеннее этих слов и какое слово от себя самого, лучшее этих слов, сказать мог бы какой угодно мудрец века сего или красноречивый проповедник? Всю силу и действенность слова проповедник получает от сохранившегося слова Христова, изъяснением и приложением которого к современной жизни и настроению слушающих должен заботиться проповедник. Его слово может быть исполнено разума и блистать красноречием, но какой разум может сравняться с разумом Божиим и какое слово может быть столь же привлекательно, как то «слово благо», о котором сказано: «излияся благодать во устнах Твоих» (Пс. 44, 2–3)? Поэтому пусть не надеется проповедник на свой разум и красноречие своего слова, но приложит их лишь к изъяснению слова Божественного! Пусть никогда не проповедует он от себя, но пусть мысль его всегда покоится на слове Божиим, как на прочной и непоколебимой опоре! Пусть Слово Божие будет корнем, его же собственное слово – лиственным и ветвями, заимствующими силу жизни от корня, хотя бы уничиженного в глазах многих людей, но неистощимо жизненного и воистину никакими усилиями человеческого ума непоколебимого! И проповедник заметит, как заключенный в его сердце росток духовный, заимствуя силу жизни от «Корня Иессеева», постепенно возрастит многоветвистое дерево, видимое далеко кругом: птицы небесные будут укрываться на ветвях его, и народы будут находить в листьях этого дерева источник исцеления (Мф. 13, 32; Лк. 13, 18–19).

Между тем многие из проповедников не сознают или забывают о такой важности изучения Священного Писания для проповедника. Они забывают, что ищущий пастырства должен «измлада Священная Писания умеши», так как «всяко писание богодухновенно и полезно есть ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию еже в правде» (2 Тим. 3, 15–16). Многие проповедники полагают, что достаточно пользоваться готовыми проповедями, которых теперь так много печатается в

духовных журналах и сборниках, или же ограничиваться избитыми наставлениями, переходящими от отцов и дедов и не основанными на самостоятельном, твердом, глубоком и основательном изучении Священного Писания. Такие проповедники забывают о неизменном требовании церковных правил, по которым вменяется в обязанность ищущему священства знать Священное Писание; забывают о святом Иоанне Златоусте, который в «книгах о священстве» так настоятельно говорит об изучении ищущими священства Священного Писания; забывают о правиле 19-м Шестого Вселенского Собора, по которому предстоятели не только каждый воскресный день, но и «по вся дни» должны поучать вверенный им народ «словесам благочестия». Пусть вспомнят пастыри и нового подвижника преподобного Серафима, который в пустыне столь усердно читал книги Священного Писания, да и всех подвижников, наставлявших братию, которые всегда хорошо знали Священное Писание! Пастырь должен быть «учителен», по слову апостола, и тех, которые «трудятся в слове и учении», апостол называет достойными «сугубой чести» (1 Тим. 3, 2; 5, 17). Понятно, что такой труд должен состоять не в чтении лишь готового по книге.

К сожалению, не только пастыри, не прошедшие полного курса семинарии и достигшие священства по экзамену, не сознают значения Священного Писания для проповедника – сами семинарии нередко не всеяют в воспитанников семинарии, будущих пастырей, такого сознания. В некоторых семинариях текст Священного Писания не только Ветхого, но и Нового Завета изучается мало: изучается, например, в некоторых семинариях скорее краткое изложение текста в учебнике (вместо Евангелия – Священная История), чем самый текст в его непосредственном виде; или текст только читается и объясняется, но не изучается так, чтобы потом, сделавшись пастырем, питомец семинарии мог свободно пользоваться своим знанием Священного Писания. Конечно, многие тексты изучаются наизусть на уроках богословия догматического, нравственного, обличительного и т.д. Но ведь отрывочное

знание текстов, без знания того, какое место занимают и какое значение имеют они в целом, очень мало приносит пользы. Проповедь делается жизненной не тогда, когда представляет механический подбор текстов, сохраненных памятью, а тогда, когда тексты извлекаются из целого с сознанием связи их с целою книгою или всеми писаниями известного апостола или пророка. Несколько отрывочных изречений известного лица получают для нас полное значение лишь при основательном знакомстве с характером, образом мыслей и настроением этого лица. Поэтому не столько на изучение догматики должно опираться Священное Писание, как на вспомогательное средство, сколько сама догматика и всякое богословие должно иметь свою основу и корень в Священном Писании.

Итак, пусть проповедники проникнутся сознанием того, что необходимее всего для них Священное Писание. Если о царе в Ветхом Завете было сказано: «когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов, и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей», – то не тем ли более обязательно все это для священника, о котором сказано: *уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа* (Мал. 2, 7)? Пусть и каждый священник приобретет себе книгу Слова Божия (ибо все ли имеют ее в доме или хотя бы при церкви?) и поучается в ней если не «день и ночь», то хотя каждый день, ежедневно прочитывая по известному отделу, какой может назначить себе при прочих делах своих, и пусть назидает этим чтением дух свой, равно как извлекает назидание для паствы своей! Слово Божие есть «слово, которое слышали мы от начала», но в то же время и слово новое, «обновляющееся со дня на день» (1 Ин. 2, 7; Откр. 21, 5; 2 Кор. 4, 16) в сознании читающих, если только они читая размышляют, прилагают к сердцу читаемое и подвизаются поступать согласно с ним. Если же встречаться будут места непонятные, то пусть поступают согласно на-

ставлению святого апостола Иакова: «Если у кого недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, – и дастся ему» (Иак. 1, 5). Или пусть ищет толкователя, подобно евнуху царицы Кандакии, не понимавшему слов пророка Исаии о страданиях Христовых и наученному апостолом Филиппом (Деян. 8)! Если Бог «открылся не вопрошавшим о Нем (язычникам), Его нашли не искавшие Его» (Ис. 65, 1), то не тем ли более близок Он всем ищущим Его?

Речь от Братства святого благоверного князя Александра Невского при гимназии ^[*6]

Кроме местной духовной школы, я имею поручение приветствовать гимназию от православного Братства, находящегося под духовным покровительством святого благоверного князя Александра Невского, покрову которого вверен и храм гимназии, а вместе с последним и сама она.

Еще так недавно при насчитывающей уже теперь сто лет своего существования гимназии возникло это Братство. Оно возникло из ревности о вере и Церкви некоторых родителей, воспитателей учащихся здесь или вообще лиц, сочувствующих и близко принимающих к сердцу жизнь гимназии, – из высказывавшегося означенными людьми задушевного желания, чтобы сердца питомцев гимназии более озарялись светом веры Христовой. В годы, когда устои религии колебались, – конечно, не сами по себе, а в умах и сердцах общества, тем более учащегося, еще не установившегося во взглядах юношества, – необходимо было усиленнее напоминать о звании христианском юношеству, волновавшемуся тогда совершенно иными вопросами, нежели вопросы святой веры Христовой. Гораздо чаще слыша отовсюду голоса, призывающие к разного рода званиям земным, светским, юношество очень мало сравнительно слышало о звании небесном, христианском. А реже

слыша о последнем, юношество, естественно, забывало о нем, становилось к нему равнодушным, заглушало в себе голос этого звания, даже проникалось враждою к нему тайною или даже явною.

И вот нужно было что-либо сделать для напоминания христианскому юношеству о его высшем христианском звании, столь обесценившемся в его глазах в годы волнений: нужно было взрослым, родителям и воспитателям особенно, сплотиться в более тесное и как бы более осязаемое, а не именем только объединяемое христианское Братство. Но чтобы все-таки напоминания этого Братства о звании христианском не были лишь пустым звуком, Братство, кроме деятельности проповеднической и книжной, кроме различных мер для оживления в сердцах учащихся обеих гимназий любви к святой вере и Церкви, решило вступить на путь любви деятельной, поставило себе задачи благотворительные – помогать различными средствами желающим учиться и не имеющим на то необходимых денежных средств воспитанникам и воспитанницам.

Еще немного, конечно, сделано Братством для достижения своей главной задачи за немногие годы своего существования; будущее Братства еще впереди: оно в руках Божиих. Братство явилось при гимназии в конце столетнего ее существования; но бывает ведь иногда, что дети, появившиеся на свет у родителей в пожилые их годы, пользуются их особенною любовью. Приветствуя искренно гимназию со столетием ее существования, молодое Братство просит гимназию продолжить свое отеческое к себе попечение, столь необходимое, особенно в нежном юном возрасте, каждому живому существу.

Речь на молебне по окончании учебных занятий в Олонецкой Духовной семинарии ^[*7]

Много мыслей и чувств теснится в душе в нынешний прощальный день.

И прежде всего хотелось бы сказать вместе с вами: «Приидите, поклонимся и припадем Цареву нашему Богу», – припадем в чувстве благодарности за все блага жизни, какие получили от Него в течение уже многих лет, а вместе с тем и *восплачемся пред Господом, сотворшим нас* (Пс. 94, 6), о тех неправдах, которые сделали, вероятно, всех нас во многом худшими, чем были мы некогда, во дни детства.

Затем теснит душу и чувство печали при мысли о том, что уже не придется увидеть многих, а быть может, и всех вас, с которыми мы так долго вместе жили, беседовали и связаны были многим, кроме обитания под одной общей кровлей. Присутствуя вместе в последний раз в доме молитвы, которою здесь обвевалась столь многократно наша жизнь и наполнялась душа порывами к лучшему, невольно вспоминаем мы столь подходящие к настоящим минутам слова псалмопевца: «что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься?», помышляя, что уже, быть может, не придется нам снова входить вместе в этот дом молитвы, как прежде, когда мы «ходили в многоядстве, вступали... в дом Божий со гласом радости и славословия празднующего сонма».

Охватывает душу и чувство беспокойства при мысли о том, куда же уйдут от нас те, с которыми доселе мы вместе жили и для блага которых старались трудиться? Возрастут ли в душах их те семена, которые мы, делатели недостойные и ленивые, сеяли все же с любовью и не без вздыханий? Или пойдет жизнь некоторых из них по совершенно иному пути, к иной цели, которые расходятся с нашей проповедью и учением о Христе, с этого места многократно возвещавшимися?

И вот все эти помышления и чувства невольно заставляют обращать взор к святым, которым совершаем мы празднование в нынешний прощальный день. Для того установлен праздник в честь Всех святых,

чтобы показать, что дело Христа на земле не погибло, но было совершено до конца посланным Им в мир Духом Святым, действиями Которого и возвращены столь разнообразны и бесчисленные плоды «жизни по духу» в святых апостолах, мучениках, преподобных и прочих истинных сынах Церкви Христовой. Не им ли должны быть подобны и все мы? Итак, устремлены ли сегодня наши взоры и помышления к святым, в которых каждый мог бы найти себе соответственно дарованиям своим лучший образец для подражания? Мы, носящие имя учеников и последователей Христовых, исполнены ли вместе со святыми желанием восполнять лики отпадших от Бога ангелов, не на земле, а в обителях небесных возвращать, каждый соответственно полученным дарованиям, плоды Христу, собирая сокровища не на земле, а на небе (Мф. 6, 19–20) и принося в Иерусалим небесный, по слову апостола тайнозрителя Иоанна Богослова, все почитаемое за «славу и честь народов» (Откр. 21, 26)? Или многие, выходя из стен этого духовного училища, вовсе не помышляют работать для Христа, но лишь для себя, для жизни на земле, работать лишь во имя светских идеалов и стремлений (не говорим уже – страстей), не увлекутся ли даже настолько жизнью «по обычаю мира сего» (Еф. 2, 2), что будут работать во имя движений жизни общественной, явно антихристианских, столь в наше время умножившихся?

Но прошло уже время наставлений и призывов: время уже настало, братие, вверить вас «Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более» (Деян. 20, 32). Ибо не можем мы сказать такого слова, которое простерло бы влияние свое на всю последующую жизнь. Не можем мы запечатлеть в вас сегодня и того светлого образа, какой мог запечатлеть святой апостол Павел в сердцах пресвитеров ефесских, прощаясь с ними (см. Деян. 20, 10–38). Итак, оставляем вам, братие, лишь свои молитвенные благожелания, которые здесь, пред этим престолом, так часто возносили. Что иное можем сделать мы, делатели немощные, ленивые и недостойные, как не отпустить вас с этими нашими молитвенными пожеланиями вам благ от Самого Христа, Господа

нашего, бывшими лучшим, как думается, залогом прочности и пользы нашего общения в течение шести лет совместной жизни? Пусть же направит Сам Господь Иисус Христос пути вашей жизни так, как молитвенно желали мы во имя Его!

Вы вступаете на пути самостоятельной жизни в тот день, когда святая Церковь оканчивает пение Триоди Цветной и начинает круг богослужения обычный, будничной. Это как бы напоминание о том, что наступило для вас время возвращать не цветы лишь, но и плоды – время будничного труда, нередко столь тяжелого и притом настолько иногда лишённого чего-либо воодушевляющего и поднимающего дух, что люди, забывающие об истинном, указанном в христианстве источнике воодушевления, сами прерывают нити своей, уже ранее убитой в душе их жизни.

Ищите же этого источника воодушевления всегда и неизменно до конца своей жизни во Христе, пребывая в искреннем общении с Обещавшим пребывать в Церкви Своей до скончания века, и бодро вступайте на пути жизни, какие кому Господь укажет, помня Его радостное обетование! И вы не будете посрамлены в своем уповании на Того, Кто сказал (как слышали мы сегодня) апостолам, оставившим ради Него все и последовавшим за Ним: «Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия и не получил бы ныне, во время сие, во время гонений (за Христа, в наши дни так умножившихся), во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем – жизни вечной» (Мк. 10, 29–30; Мф. 19, 29). Аминь.

Речь, сказанная воспитанницам Олонецкого Епархиального женского училища 15 июня 1908 года на молебне по окончании курса ^[*8]

Отныне, дорогие питомицы этого училища, пресекается нить вашей школьной жизни, которая, что бы ни говорили о ней, представляла в себе столько приятного, возвышающего душу, восхищающего, воодушевляющего. С настоящего дня в течении вашей жизни совершается важный перелом: вы вступаете, некоторые отчасти, другие же совершенно, в самостоятельную жизнь.

Быть может, для некоторых из вас путь самостоятельной жизни будет широким, пространным и гладким, для других же – тесным, тернистым, требующим тяжелой борьбы, в которой истощатся ваши духовные и телесные силы. По-видимому, не должно было бы являться каких-либо беспокойных мыслей о вашем будущем: так много прекрасных задатков создавалось в душах ваших духовным воспитанием! Смотри на вас, иногда думалось, что вы представляете собою как бы оазис в пустыне мира, в котором столь распространилось неверие и развращение. Особенно было приятно смотреть на проявления вашей религиозности, которые можно было замечать в столь многих случаях и которые нередко дышали всею свежестью и искренностью юного женского сердца.

Но невольно приходит при этом на мысль и то, что ведь добрые задатки воспитания бывают прочны лишь тогда, когда самостоятельно воспринимаются и усваиваются самими питомцами. Нужно ведь, чтобы последние свободно избрали себе идеал добра, который потом был бы путеводною звездою в их жизни, нужно, чтобы этот идеал был «написанным в сердцах» (Рим. 2, 15) ваших, как слышали вы сегодня в апостольском чтении, чтобы вы искренно отдались ему всем сердцем, по сказанному в Священном Писании: «даждь ми, сыне, твое сердце» (Притч. 23, 26), нужно, чтобы в вас создалось непреклонное решение ходить по требованиям этого идеала. Сколько раз, например, мать ста-

вит на ноги дитя, чтобы научить его ходить, и научиться оно может лишь тогда, когда будет прилагать самостоятельные усилия к хождению! Точно так же учебно-воспитательный строй школы ставил вас здесь в известные пределы, требовал соблюдения установившихся порядков и обычаев; однако последние могут сделаться достоянием жизни лишь в том случае, если сердце ваше лежало к ним и воля создала свободное решение усвоить их для жизненного руководства.

Вы вступаете в самостоятельную жизнь, и добрые задатки, созданные в вас школой, могут подвергнуться в этой жизни нелегкому испытанию. В вас пробудится много новых потребностей, не изведанных еще влечений; быть может, придется выдержать и неизбежный в жизни большинства напор страстей, которые как бы огнем будут сжигать жизнь вашу... И вот устоит ли против этого напора бури и волн житейского моря слабая тростинка, с которой невольно хочется сравнить жизнь юной девицы, выходящей из-под попечительного крова школы? Не разрушится ли эта легкая постройка от порыва сильных бурь, бывающих столь нередко в человеческой жизни?

Не спешите же тотчас воспользоваться всею широтою свободы, которая по необходимости ограничивалась здесь, в стенах школы, не спешите как можно скорее испытать крепость духовного своего здания, которое построено воспитанием, не потрясите его прежде времени в самых его основах! Не увлекайтесь ложным идеалом современной свободы, проповедники которого, различные современные писатели (и вам, вероятно, неизвестные), подобны волкам хищным, приходящим в овечьей одежде: столь многих из учащегося юношества, в том числе и женского, увлекли они уже на широкий путь пагубы – разврата и смерти!

Гордо и свободно носить голову над землей призывают они современных людей, невзирая на пределы свободы, указанные христианством. Но насколько на самом деле прочно здание счастья, построенное этим гордо ходящим по земле человеком? Созданный из персти

человек не возвращается ли неизменно в персть, из которой создан, притом не тогда, когда хочет сам, а когда Творцом это будет назначено? «Дух пройде в нем, и не будет, и не познает ктому места своего» (Пс. 102, 16) – вот что следовало бы сказать об этом здании счастья, которое хочет построить современный человек, руководясь своею собственною мудростию, хотя бы на основании всех данных современного научного знания. Если бы непоколебимым и надежным было это здание, то откуда же такое отчаяние, все более и более растущее во многих современных людях, откуда все увеличивающиеся жалобы на то, что нечем будто бы жить, нет будто бы смысла жизни, и это даже у юных девиц, пресекающих свою жизнь самоубийством?

Храните же и развивайте в себе сокровища духовные, приобретенные здесь чрез духовные воспитание, сокровища «нетленной красоты кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Пет. 3, 4)! Правда, эти сокровища чужды внешнего блеска, свойственного идеалу современного гордого свободного человека; но помните, что и Царствие Христово вообще чуждо внешнего блеска: *Не придет Царствие Божие приметным образом... Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 20–21). «Входите» лучше, по заповеди Господа нашего, «тесными вратами», а не пространными, широкими вратами современной свободы, ведущими в пагубу (Мф. 7, 13). Ведь расточительный человек скоро может растратить самые большие богатства и остаться нищим; то же самое может случиться и с человеком, слишком широко пользующимся всеми благами свободы в современном ее понимании.

Вместо мудрости человеческой лучше ищите себе всегда опоры во Христе, к чему так часто призывала вас духовная школа! Он есть Камень непоколебимый, так что построивший на нем здание своей жизни безопасен будет от всяких ветров и наводнений, неизбежно случающихся в море жизни с каждым. *Блажени вси надеющиеся Нань* (Пс. 2, 12). В Нем найдете вы неистощимый источник воодушевления во всех делах вашей жизни, опору во время бурь и бедствий жизни, врачующий

бальзам в скорбях ее, умиротворяющую и поднимающую дух радость во всех событиях ее, хотя бы кажущихся иногда печальными! Благословение Его, – говорим вам в последнее напутствие, – да сопровождает вас во все дни жизни вашей! Аминь.

Речь на закрытии педагогических курсов для учащихся церковных школ Олонецкой епархии ^[*9]

В настоящий прощальный час, когда, казалось бы, легко и свободно должна литься пространная речь, полная прощальных напоминаний и благожеланий, я чувствую свои уста как бы связанными. И это потому, что не могу объять одним мысленным взором всей массы разнообразных впечатлений, мыслей, чувств, настроений, которые пришлось вам пережить во время курсов, из которых некоторые еще не продуманы вполне вами и не уложились в душе прочно; от моего мысленного взора ускользают те пути, посредством которых можно было бы всю разнообразную массу впечатлений и настроений направить в русло жизни Христовой. Но, стоя сегодня в последний раз перед вами на этом священном месте, на которое с такою любовью я входил несколько раз во время вашего пребывания на курсах, я не могу не открыть еще раз уста свои и не напомнить еще раз вкратце, о чем более всего хотелось мне говорить с вами.

Мне хочется еще однажды засвидетельствовать вам, что я чувствовал себя снедаемым огнем желания возвестить вам о славе Церкви Христовой, о том, как вам, деятелям школы церковной, ввести в ограду Церкви те пути жизни вашей, которые от этой ограды в тех или иных отношениях уклонялись. Этот огонь понуждал меня говорить вам здесь и преподавать уроки духовной жизни. Он влек меня и в беседах учебного характера показать, что и как можно сделать для того, чтобы жизнь народа, вами просвещаемого, стала истинно христианскою. То же са-

мое влекло меня и к личным беседам с вами, из которых хотелось мне узнать, какие благоприятные условия или затруднения встречает каждый из вас в деле распространения света Христова по личным обстоятельствам и настроению, а узнав все это, и помочь по мере данных мне сил. Христос и Его Церковь, жизнь во Христе под сению Церкви – вот чем пламенела душа моя, когда стремилась к общению и беседам с вами, деятелями церковных школ; и в минуты наибольшего духовного просветления хотелось бы сказать: этого желаю более всего для вас, это сокровище духовное более всего хотел бы видеть распространяемым вами посредством школы. Все прочее, что не служит «приобретению Христа», хотелось бы тогда сказать с апостолом, да вменяется в сор и тщету (Флп. 3, 7–8); не в черный только день пусть вспоминается вами Христос с искреннею любовью, но пусть будет Он вашим прибежищем всегда и дыханием вашей жизни – на всякое время и на всякий час!

Но все мы слишком обложены немощами, чтобы постоянно так помышлять. Не легко воспаряет дух наш ко Христу, тысячами сетей привязано сердце наше к земле. И как больно разрывать многие из них! Чувствуется, что многие из этих сетей может разорвать разве всесильная благодать Христова и чрез тяжкие испытания жизни действующий Божественный Промысл. Только от внешнего мы способны постепенно восходить к внутреннему, только, научившись взирать на отражение солнца в воде, делаемся способными устремлять взоры к самому свету (святитель Василий Великий – беседы к юношам). Поэтому соберите усердно все полезное и прекрасное, что слышали и видели вы здесь, на курсах, на уроках русского языка, арифметики, природоведения, географии, истории и т.д., и подобно трудолюбивой пчеле, собирающей с различных цветов вещество для приготовления меда, постарайтесь все приобретения мудрости человеческой превращать в сладостный мед учения Христова, чтобы преподавать его народу.

Однако при напоминании об этом опять хотелось бы выразить пожелание, чтобы не пропали без следа, как рассеивающийся в воздухе дым, и мои беседы о жизни духовной. Быть может, это были беседы и скучные по влиянию на душу по сравнению со многим, что видели и слышали вы во время курсов, но все же внушенные любовью, ревностью о святой Церкви, любовь к которой только и может быть истинным венцом всех занятий наших на курсах и в школах наших. Не из обилия слов, накопившихся вследствие долговременных упражнений в речи, состояли эти беседы, но из слов, переплавленных испытаниями жизни, бывшими в разных местах моего служения. И мне приходилось иногда как бы снестать тот свиток книжный, который, как говорили мы в прошлый раз, исписан был внутри и снаружи словами: *плач, и стон, и горе* (Иез. 2, 9–10); и мне приходилось быть снедаемым огнем ревности при виде того, как уничтожается слава Церкви Христовой, испытывать подобное тому, что испытывал пророк, падая на лице свое и вопия: *О, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?* (Иез. 9, 8).

Впрочем, конечно, в этот прощальный час более всего нужно молитвенно пожелать вам, чтобы вместо моего слова, слабого и уничтоженного, учила и назидала вас вседействующая благодать Христова. Да пошлет вам она уроки жизни действенные и более сильные и чрез вас да сохранит она «остаток Израиля» христианского – святой Церкви – в народе, которому посвятили вы себя на служение, чтобы сделаться вам делателями достойными и неукоризненными (2 Тим. 2, 15) в винограднике Христовой Церкви и чтобы, понесши «тяжесть дня и зной» (Мф. 20, 12), как говорится в читанной сегодня евангельской притче, сподобиться должной награды от Хозяина небесного виноградника – Церкви! Да даст Господь вам еще здесь на земле приобрести любовь народа, а еще более – видеть совершающийся при вашем содействии подъем его духовной жизни под сению святой Церкви и школы ее, на небе же потом – сподобиться блаженного общения с Самим Христом,

во имя Которого трудитесь для школы, народа и святой Церкви. В этом общении со Христом – источник радости истинной, ведомой лишь любящим Христа, вовеки не оскудевающей! Аминь».

Речь на молебне пред началом учебных занятий в 1908–1909 учебном году в Олонецкой Духовной семинарии ^[*10]

По обычаю с молитвы начинаем мы, братие, наступающий учебный год. И пусть будет эта молитва не простым выполнением издавна установленного обряда или одного из условных приличий общественной жизни, но пусть вводит она нас в область живой веры – той веры, которая воодушевляет на подвиги и труды жизни, скорби ее, в которой должны бы мы почерпать силы и для труда учебного, труда воспитания и самовоспитания. Для нас, деятелей и питомцев духовной школы, тем более молитва не должна быть пустым обрядом, а как бы вдыханием воздуха, без которого не могли бы в нас начать совершаться и различные отправления жизни.

Мы вступаем в учебный год в такой момент, когда явно усиливается повсюду в юношестве желание учиться, когда во имя науки отказываются от увлечения политикой, столь сильно охватившего учащееся юношество в последние годы, когда начинаются занятия в бойкотируемых доселе учебных заведениях. По видимости – весьма добрый залог успешности учебного дела. Но все же всмотримся внимательнее в эту жажду учения. Везде ли, прежде всего, она открылась? Увы! Мы видим усиленное стремление юношества в светские учебные заведения, в духовной же школе видим продолжающееся духовное запустение, особенно в высшей: не видим усиленного стремления юношества в ее стены, скорее даже как бы ослабевает с годами желание попасть в эту

школу. Зато, скажет, может быть, кто-либо, остались в стенах духовной школы более ей преданные, избранные. Увы! как всегда и везде, «мало избранных». И те, которые остаются в стенах духовной школы, иногда остаются в ней не по любви и преданности ей, а потому, что не имеют возможности перейти в другую школу. Сердце и оставшихся в духовной школе нередко «далеко отстоит от нее», духовные сокровища книжные и иные, какие отличают собственно духовную школу, по-прежнему остаются и будут, вероятно, у большинства оставаться в неведении, забвении, пренебрежении, скрытые в пыли книгохранилищ.

Что же? Быть может, духовная школа так плоха? Быть может, она, как все говорят и пишут о ней, «разваливается» и близка к полной смерти? Не будем хвалить свою школу, так как это было бы в устах наших похвалою как бы самим себе. Но если плоха школа наша, то чем же и почему, собственно, плоха? Постановкою учебного дела? Но она едва ли хуже, чем в светских учебных заведениях, учебные силы школы духовной нередко бывают и лучше, чем в последней. Постановкою воспитательного дела? Но духовное юношество по своему трудолюбию, поведению и вообще нравственным качествам, по высоте нравственных и жизненных идеалов едва ли ниже юношества светского, а нередко гораздо и выше.

Если плоха наша школа, то скорее всего тем, что нередко в ней как бы недостает «духа жизни». В школе светской нередко как бы более жизненности, и это потому, что в ней веет свободнее дух иной, светской жизни, в котором действительно легче дышится обычному человеку, воспитанному и живущему в понятиях и обычаях светской жизни, пока, впрочем, после легкомысленного отношения к забытым и оставленным надолго в пренебрежении потребностям духа различные тяжелые испытания жизни не заставят человека отнестись к означенным потребностям сознательнее и искать настойчивее их удовлетворения. В школе духовной, конечно, веет также с избытком дух жизни светской, но, благодаря самому строю духовной школы и поставленной ею задаче,

встречается и сталкивается он с веянием иной, духовной жизни. Этого-то духа жизни высшей, духовной, жизни во Христе, по заветам святой Церкви, и не чувствуется нередко в школе духовной, хотя воспитать в этом духе юношество духовная школа ставит своей задачей и только не может ее осуществить или не хочет.

Что же причиной тому? Кто более всего виновен в недостатке «духа жизни» в школе духовной? Самый ли строй ее? Или более те, кто наполняет стены ее? Скорее, по-видимому, в себе самих последние все-таки должны видеть виновников упадка духовной школы. Как слышали мы в читанной сейчас притче о сеятеле, «обольщение богатством и другие пожелания» (Мк. 4, 19), жажда благ и наслаждений житейских – вот что заглушает потребность знания духовных предметов, подавляет потребность жить высшею стороною жизни духа. Отсюда усиленное стремление в учебные заведения светские, открывающие более широкий доступ к благам земным, и запустение школы духовной. Правда, иногда бывает жажда знания светского чистая, благородная, бескорыстная, но такая жажда совсем не подавляет духовной, если же подавляет, то опять-таки вследствие слишком укоренившейся привычки обращаться в круге предметов, понятий земных, видимых, влечений жизни исключительно светской. Но думать, будто самый учебно-воспитательный строй духовной школы, преждевременность, чрезмерность, отрешенность от жизни духовных занятий и упражнений в духовной школе по необходимости угашают в юношестве дух жизни школы духовной, было бы совершенно несправедливо. Ведь знания из области предметов духовных вводятся из года в года, от низших классов до высших, в школе духовной с тою строгою постепенностью в переходе от знаний внешних, светских к более глубокому изучению самого Слова Божия, на какую указывает святитель Василий Великий (в письме к юношам о пользовании произведениями писателей языческих), даже, быть может, с постепенностью большею, чем следовало бы. И по существу дела, неужели вопросы духа, исследуемые, например, в литерату-

ре, психологии, философии, богословии, в здоровом человеке могут возбуждать менее внимания и интереса, чем исследование земли и всего видимого мира с его явлениями? Неужели Слово Божие, в разнообразных его разветвлениях, изучаемое в школе духовной, менее ценно, чем слово и мудрость человеческие, изучаемые в школе светской?

Итак, не строй лишь школы духовной должны обвинять учащие и учащиеся, воспитатели и питомцы школы духовной в недостатке «духа жизни» в последней, но и самих себя, даже более себя самих. Временное забвение, отстранение, заглушение, искажение высших потребностей духа, иногда ненамеренное, иногда же и намеренное, объясняемое тем, что многие люди, особенно последнего времени, «возлюбили нынешний век» (2 Тим. 4, 10), – вот что служит главной причиной охлаждения многих к школе духовной, ее запустения и «развала».

Приступим же к занятиям в наступающем учебном году, живее напечатлев в умах и сердцах своих картину того духовного ослепления от страстей житейских, из-за которого богоизбранный народ «видя не видел и слыша не слышал и не разумел» (Мф. 13, 13; ср. Мк. 4, 12), из-за которого он не только утратил любовь к истине (2 Сол. 2, 10), «более возлюбил тьму», зло и неправду (Ин. 3, 19), но и распял Господа своего. Будем хранить себя от подобного же духовного ослепления, которое производит запустение и наших сердец, равно как и нашей духовной школы! А для этого внимательнее будем присматриваться и немедленно искоренять тщательно терние житейских страстей, угашающих дух жизни в нас и в духовной школе. Только если предпримем означенный труд над своим сердцем, может возрастать в нем жажда знания чистого, бескорыстного, притом не словесного только, но и оправдываемого делами жизни.

Будем бодрствовать и трудиться тем более над своим сердцем, что только таким образом может храниться и развиваться в нем жажда познания предметов мира духовного, познания души, сохранить которую важнее, по слову Господа, чем «приобрести весь мир» (Мф. 16,

26), – познания законов и проявлений ее жизни, равно как средств спасения от гибели в мире греха и страстей. Такое знание стремится дать и любовь к нему воспитать в питомцах своих духовная школа, если не всегда на деле, то по задаче своей. Аминь.

Речь на молебне по окончании занятий в церковных школах г. Житомира ^[*11]

К вам особенно, учащиеся дети церковных школ, сейчас обращаю свою речь, хотя и к прочим. Вам, здесь присутствующим деятелям церковной школы и любящим ее, следует приводить себе на память то, о чем я хочу сказать.

Сегодня, в день святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, собрались мы в храме, посвященном их имени, для того чтобы возблагодарить Господа по окончании учебных занятий в церковных школах. Хорошо благодарить Господа всегда, потому что *благ Господь всячески, щедроты Его на всех делах Его* (Пс. 144, 9). Каждый день на литургии мы слышим: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи», и этими словами научает нас святая Церковь постоянно благодарить Господа за все благодеяния Его к нам, особенно же за то, что Он так возлюбил нас и пострадал за нас. Праведник – за неправедных, чтобы привести нас к Богу. Мы не можем за благодеяния Божии воздать Богу такими же добрыми делами и потому должны хотя словами от искреннего сердца благодарить Его. Только очень грубый человек не благодарит за сделанное ему добро; такой человек не лучше, чем животное, потому что и животные проявляют некоторую благодарность людям, которые делают им добро. А как приятны Господу хваления детей! Вспомните торжественный вход Его в Иерусалим, где Он из уст младенцев и грудных детей устроил хвалу, вспомните, с какою любовью Он привлекал к Себе детей и благословлял их, когда они приходили к Нему

или даже приносимы были матерями своими по малому своему возрасту! Итак, возблагодарим Господа по окончании учебных занятий.

Вам, детям, учащимся в церковных школах, следует возблагодарить Господа не за то только, что получили в школе много знаний, полезных для вас в жизни, но и за то, что учились вы в школе церковной. Ученье в школе церковной несколько особенное, не такое, как в других школах. Что значит учиться? Значит ли это только научиться читать, писать, считать и получить разные другие знания? Нет, особенно следует человеку научиться быть христианином, сделаться учеником Христовым. За Иисусом Христом постоянно следовало множество учеников и учениц, – чему они учились, слушая Его? Не обычные знания из разных наук Он сообщал им, а учил тому, как жить по заповедям Его. Они, например, желали быть больше один другого; но Господь научал их быть смиренными, заповедал им не гордиться и не желать господствовать над людьми, как земные князья и вельможи; Он представил им в пример малое дитя, сказав, что всем людям нужно умалиться, как детям, которые не горды и не хотят господствовать друг над другом. Или, например, ученики Иисуса Христа гневались на врагов своих, ненавидели их и однажды хотели низвести огонь на людей, которые не приняли Иисуса Христа, как сделал Илия; но Господь учил Своих учеников кротости и говорил, что нужно не губить людей, а прощать им, любить их и спасать. Еще апостолы желали царства земного и славы человеческой, просили Господа, чтобы дал сесть им по правую или по левую сторону в Его царстве; но Господь сказал, что друзья Его должны пить чашу страданий, что вот Он Сам идет в Иерусалим и там враги Его осудят Его на смерть, предадут язычникам на поругание, биение и распятие, но Он в третий день воскреснет.

Церковная школа именно и заботится о том особенно, чтобы учащиеся в ней не только получили разные знания, но и делались истинными учениками Христовыми. Один святитель сказал, что грамота для человека, не имеющего страха Божия, то же, что меч для безумного,

которым безумный может себе повредить, даже убить себя. Это и сбывается в жизни, особенно, например, во Франции, в которой не хотят учить детей Закону Божию в школах; за это там среди детей все более и более является преступников, чем более заботится правительство учить грамоте всех детей. Святые равноапостольные Мефодий и Кирилл, напротив, самую азбуку славянскую изобрели для того именно, чтобы просветить славян верою Христовою. Для этого же просвещения и школы устраивали первые русские князья, устраивали при церквях и обителях. Для того и учиться в школах начинали по Псалтири, в которой с первого псалма идет учение о том, как жить по закону Божию, в благочестии: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь» (Пс. 1, 1–2).

Читайте же чаще и вы, дети, святое Евангелие, чтобы вам с детских лет полюбить Бога и Христа, нашего Спасителя. В первые времена христианства дети христиан настолько любили Христа, что терпели за Него мучения и смерть, некоторые были замучены всего трех лет от роду. Вы любовь свою ко Христу должны показать хотя в том, чтобы всеми силами стараться исполнять заповеди Христовы, о которых написано в Евангелии. Возлюбите Христа, как святые, которые с детства начали любить Его всем сердцем. Так, святой равноапостольный Кирилл, когда еще был отроком, видел во сне прекрасную отроковицу, которой было имя София, т.е. премудрость Божия, и вот с того уже времени возлюбил Бога и премудрость Его. Преподобный Сергей точно так же в детстве еще очень любил молиться Богу, и по усердной молитве его Бог помог ему хорошо учиться грамоте, и потом он сделался великим святым, к которому на поклонение приходят русские люди со всех концов земли Русской. Из недавно еще умерших людей вспомните о. Иоанна Кронштадтского, который еще в детстве очень усердно и часто молился Богу, например, где-нибудь в лесу или пред церковью своего села, когда шел в школу, – и вот он сделался великим пред Богом и

людьми пастырем Церкви. Так и вы, если будете в школе еще учиться любить Бога, то ваша жизнь сделается радостною при всех скорбях, какие будут случаться в жизни с каждым, и вы возрастете родителям и воспитателям вашим на утешение, Церкви и отечеству на пользу.

Поблагодарите же Бога по окончании трудов и помолитесь Ему, чтобы помог Он вам во время ученья в церковной школе сделаться истинными учениками Христовыми.

Действия Духа Святаго в душе человека. Духовному юношеству ^[*12]

В день святой Пятидесятницы святая Церковь призывала к молитве о ниспослании Святого Духа, Которого, по обетованию Христову, *хотяху приимати верующии во имя Его* (Ин. 7, 39).

Нас, воспитывавшихся или воспитывающихся в духовной школе, напоминание об этом обетовании должно было бы, по-видимому, исполнить особенной радости: об общении с Духом Святым должны были бы мы слышать, как о чем-то вполне родственном, известном, столь же необходимом для нас, как для жизни тела необходимо вдыхание воздуха. Ведь о Духе Святом напоминает нам постоянно и самое название нашей школы – «духовная», и потому если мир (не знающий Христа) не видит, не знает и не может приять Духа Святаго, то питомцам духовной школы Он должен быть ведом, как в них, подобно ученикам Христовым, пребывающий.

Но в том-то и горе, что наша школа называется нередко духовною более по имени, которому по существу она бывает иногда совершенно противоположна. Потому ли она, например, может быть названа духовною, что в ней изучаются духовные науки? Но как мало духовности в изучении, например, Библии, если богодухновенные страницы ее, входя в ум и память, не вызывают ни малейшего отзвука в сердце, тем бо-

лее если встречаются в нем злое неверие и осмеяние! Но не так должны отзываться на действия Духа Святого сердца наши, – они должны отзываться живыми, свободными движениями. Не внешним соприкосновением духа нашего с богодухновенными словами святых апостолов и пророков свидетельствуется духовность и общение с Духом Святым. Господь Иисус Христос для того послал Духа Святого в мир, чтобы Он научил всему и вспомнил людям словеса Христовы. Итак, в том состоит наиболее верный признак пребывания в нас Святого Духа, если мы, по апостолу, приобретаем «ум Христов» (1 Кор. 2, 16), если «сие мудрствуется в нас, еже и во Христе Иисусе» (Флп. 2, 5), т.е. если в нас бывают те же мысли и чувствования, как и во Христе Иисусе, если чрез богодухновенные слова Евангелия Христова напечатлеваются в душах наших и дела любви Христа, положившего душу Свою за други Своя, если образ Христа все более и более пленяет дух наш, с любовью привлекает к себе, «умерщвляя плоти наша мудрование» и попаляя всякую скверну страстей в сердцах наших, которая затмевает чистейший лик Христов, в них начертанный. Для того посылается Дух Святой, чтобы собрать воедино движения созданного по образу Божию духа нашего, которые, как зеркало разбитое, не могут в совершенстве отражать в себе свой первообраз, дабы «изобразился в нем Христос» (Гал. 4, 19).

Если же вообразится в наших сердцах Христос, то хотя мы не будем знать, «откуда приходит и камо идет» Дух Святой (Ин. 3, 8), т.е. действия Его будут непостижимы для нас, однако мы «глас Его» будем слышать, т.е. ощущать явственно действие Его в нашем сердце. Они будут ощущаться в неведомо откуда являющемся в душе нашей притоке сил для совершения заповедей Христовых, в том, что перестают быть пленительными для нас страсти, без которых ранее существование наше казалось нам пустым, мрачным и бесцельным, и дух наш начинает ощущать сладость свободы от связывавших его оков-страстей, по слову апостола: «идеже Дух Господень, ту свобода» (2 Кор. 3, 17), –

ощущать мир Христов, какого не может дать мир, и «радость о Дусе Святе» (Рим. 14, 17).

Итак, памятуя, что, «кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8, 9), потщимся, особенно мы, духовные, умолять Христа, дабы не отнял Он от нас Духа Своего Святаго, чтобы нас, особенно желающих сделаться вскоре продолжателями дела Христова на земле, – ибо для того мы учимся и воспитываемся в духовной школе, – «наставил Дух благий» (Пс. 142, 10) на путь правый во всех делах жизни нашей.

Духовному юношеству, оканчивающему курс семинарии ^[*13]

Оканчивающим курс духовной школы юношам естественно спросить себя при вступлении на предстоящее им служение Церкви, насколько их сердце осталось верным Христу среди всех мерзостей нынешнего времени. И прежде всего, сохранилась ли в них живая вера во Христа, Сына Божия? Или сделался близким к ислению этот корень духовной жизни в сердцах некоторых, так что осталось им, даже при желании иметь прежнюю веру, лишь вздыхать бесплодно о том, как блаженны верующие? Такие пусть испытают себя прежде, чем отказаться от веры, не от них ли самих зависела утрата веры. Ведь душа человека не делится на какие-либо самостоятельные клетки, между собой не сообщающиеся, а потому вера и убеждения человека находятся в неразрывно тесной связи со всем строем жизни человека. Следовательно, от самого человека зависит сохранить в себе хотя остатки веры, эти как бы остатки разбитого, но неизгладимо напечатленного в душе образа Божия. Если, несмотря на материалистическое мировоззрение, у людей сохраняется вера в истину, добро и красоту, в идеалы духа, то не более ли непоследовательным было бы отрицать самый источник и средоточие их – Живаго Бога и не применимы ли к подобным

отрицателям слова псалмопевца: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог» (Пс. 13, 1)? Религия и вся область жизни духовной если и есть «надстройка» (идеологическая) над более могущественными и основными (как говорят социалисты) факторами общественной жизни (экономическими), то надстройка, не силами природы, не усилиями самого человека устроенная, но Самим Богом, – потому-то и оказываются бесплодными все попытки вывести эту «надстройку» из экономических условий, как следствие из причины: может ли произвести причина действие, по природе ей противоположное?

Но скажет кто-либо: я не сохранил веры, какую имел с детства, но заветы Христовы живы во мне, и я, будучи неверующим, быть может, лучший христианин, чем официальные последователи Церкви. Это излюбленное самооправдание людей нашего времени. Не говорим уже о том, что дух гордого самооправдания, которым проникнуты заявления подобных людей, чужд смирению Христа, «Себя умалившего до зрака раба» и смирившего Себя даже до смерти крестной (Флп. 2, 7–8); и потому мы не можем отнестись с доверием к таким заявлениям. Но кроме того, не подменили ли подобные люди заветов Христа иными заветами, заимствованными из учений века сего, особенно социалистических, при видимом сходстве с христианским учением имеющих нередко, по существу, совершенно противоположный последнему смысл? Христос говорил: «Блаженны алчущие и жаждущие правды», о благах же земных: «Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33); а последователи социализма все помышления низших, обездоленных классов общества хотят сосредоточить на ощущениях голода и на разных потребностях телесных, по удовлетворении которых только и находят возможным прилагать заботу о духе. Так подменяется в христианстве понятие об истинном благе вообще и о благе ближнего в частности, попечение о котором должно составлять первую обязанность каждого члена общества. Затем Христос возвещал свободу, состоящую в победе добра над злом, духа над плотью, а со-

временные поборники освободительного движения подменяют это высокое понятие понятием о широком, беспрепятственном удовлетворении всех естественных потребностей, какое свойственно животным.

Если бы со Христом были в общении и Его заветы искренно возлюбили бы современные люди, то имя Его постоянно было бы у них на устах и в делах их, по словам церковной песни, которую часто мы повторяем: «разве Тебе иного не знаем, имя Твое именуем». Но не видим ли мы, что вместо имени Христова гораздо чаще повторяются иные имена, нередко имена ярых врагов Его (к каковым принадлежат многие вожди социализма), вместо знамения Креста Христова дерзновенно водружается иное знамя, столь соответствующее кровавым насилиям, которыми сопровождается осуществление идей века сего, особенно социалистических? И это не только в обществе, но даже в наших духовных школах! Со Христом ли таковые «собирают» или «расточают» (Мф. 12, 30)?

Впрочем, зачем перечислять и изображать все уклонения школы духовной от Христа, Его Евангелия под влиянием различных современных общественных движений? Уже поздно было бы сеять, когда наступило время жатвы. Посему, выходя из школы в жизнь, соберем в житницы духа нашего то, что уже посеяно, – «плоды Духа» (Еф. 5, 9), какие возросли в назначенное для этого возрастания время. Соберем остатки веры во Христа, молитвенного общения с Ним, любви к Нему. Сохраним и укрепим в сердцах наших оставшуюся верность законам Духа, чтобы не сделаться пленниками законов мира сего и побороть в себе «закон греховный» плоти, «во удех наших» действующий (Рим. 7, 23). К этому призывает нас в настоящий праздник и святая Церковь в одной из песней своих: «решительное очищение грехов, огнедохновенную примите Духа росу, о, чада светообразная церковная, ныне от Сиона бо изыде закон, языкоогнеобразная Духа благодать» (канон Пятидесятницы). Этот закон Христов, силою Духа Его, и напечатлеем в сердцах наших, исходя на делание в «мир, во зле лежащий». И тогда будем мы

иметь в себе мир Христов, которого не может дать мир сей, не будем смущаться духом при виде возрастающего все более в мире зла, но с дерзновением во Христе, победившем мир, выступим на борьбу с его злом, имея всегда радость Христову, «исполнену в себе» (Ин. 17, 13).

Речь при закрытии педагогических курсов для учительниц церковных и министерских школ в г. Владимирволынске ^[*14]

Наступившее окончание курсов побуждает невольно вспомнить, что «нет ничего вечного на земле». Все, как тень убегающая, не возвратно. Как солнце заходящее нельзя остановить, так нельзя вернуть то, что уже совершило свой временный круг. Месяц тому назад начались наши курсы, и вот уже нет их навеки, осталось совершить один печальный разъезд.

Вот наглядный образ того, насколько все мы, люди, должны быть на земле «странниками и пришельцами». Странник не может слишком привязываться к отдельным местам, которые встречаются ему на пути, иначе он не мог бы совершить путь свой, запаздывал бы или и совсем приобрел бы оседлость там, где сердце его нашло бы для себя слишком ценное сокровище, которое заставило бы его забыть о самой цели путешествия. Недаром древним апостолам, странствовавшим благовестникам Евангелия, было заповедано, чтобы они не останавливались в известном доме долее трех дней, после которых шли бы далее, не ища ничего для себя, а только того, чтобы распространять благо Евангелия возможно многим.

Не то же ли должен помнить всегда и народный учитель? Чтобы успешно совершать свое дело, он должен всецело отдать ему свое сердце, не раздвояться, не рассеиваться своими мыслями, чувствами и желаниями по многим лицам, местам и предметам, – возможно всецело сосредоточить внимание и сердце на народе, школе и детях, чтобы

сердце его, как бы магнит, привлекала школа или, по крайней мере, оно разгоралось бы, когда учитель войдет в школу и начнет свое привычное в ней дело. И даже добрые воспоминания о *прошедшем* (хотя бы о бывших курсах) не должны расслаблять сердца учителя, наполняя его мечтательными и грустными думами о невозвратно прошедшем. Пусть лучше эти добрые, светлые воспоминания будут как бы звездами, освещающими *дальнейший* путь среди мрака ночи. Слаб и холоден этот свет, но все же он разгоняет холодный мрак ночи; так и светлые воспоминания пусть разгоняют мрак печали, который, может быть, наполнит сердца некоторых из вас потому, что уже окончились светлые дни курсов. Не вечна ночь: после холодного мерцания звезд начинают снова сиять яркие, живительные лучи дневного светила – солнца; так и в ваши сердца воспоминания о курсах, после неизбежной печали в день разъезда, да прольют, как лучи восходящего солнца, живительную теплоту и одушевленным сделают ваш последующий труд!

Но как все-таки примириться со всеми скорбями и утратами? Как утишить неизбежную при этом боль сердца? Как сделаться странниками и пришельцами на земле, знающими лишь высшую цель своего путешествия и ничем на пути не развлекающимися? Беспристрастными вполне нам, конечно, не суждено быть на земле: нам предлежит постоянная борьба «плоти и духа», путь житейский человека совершается всегда среди терний. Взирай поэтому чаще на «треблаженное древо» Креста Христова, чрез которое насажден рай среди терния страстей человеческих, и на Распятого на сем древе. Не мрак ли был на Голгофе, видимый по всей земле? Однако отсюда же, с Креста Христова, воссиял и свет миру, указан путь жизни, и множество народов стало ходить во свете Христовом.

Множество было и теперь есть людей грешных и падших, душа которых погрузилась на дно и во мрак самого ада, но вот они идут к живительному свету Христову, отогреваются их души теплотою Христовой любви, и благодатью Духа Христова отныне «всяка душа живится».

Предайся же искренне Христу, ведущему тебя за Собою путем креста, и не будет у тебя неутолимой боли сердца ни от какой утраты. Преданность воле Божией – это сокращенный путь креста, которым призывается идти христианин, это высшая мудрость жизни, это лучшее целебное средство для освобождения сердца от всяких болезненных страстей. Вспомним слова великого Пирогова, которые мы приводили уже во время занятий на курсах: «Опять под сень священную Верховной Воли пусть склонит (человек) главу свою. Тогда исчезнут призраки, затихнет гул различных мыслей, поднявшихся из хаоса души. Их уничтожит и рассеет светлый луч и сладкозвучный голос этой Воли».

Итак, исходя отсюда в глухие углы сел и деревень, начертайте на знамени своего сердца, нить жизни которого в настоящую минуту как бы обрывается, священные слова: «Да будет воля Твоя!» Вспомните слова великого праведника, лишившегося всего на земле: «Бог дал, Бог и взял, да будет благословенно имя Господне!» – и повторите слова великого святителя: «Слава Богу за все бывшее!»

Речь при закрытии педагогических курсов в Житомире ^[*15]

При вашем разъезде, быть может, следовало бы еще однажды поднять ваш дух, еще однажды озарить лучами света в вашей душе все то, что пережили и приобрели вы на курсах прекрасного. И как после удаления светлого предмета долго еще виднеется светящаяся точка, пока все удлиняющееся пространство, наконец, скроет ее от взора, так долго-долго еще и озаренные последнею речью все сразу воспоминания о курсах должны были бы быть подобною яркою, светлою точкою в ваших душах, пока не побледнеют они от бегущего все вперед и вперед времени, вернее же, не от времени собственно, а от оскудевающей к дорогим когда-то воспоминаниям любви: ибо ведь то, что мы всем сердцем любим, то не забудется нами никогда, в том начатки жизни

вечной. Нужна была бы, говорим, одушевленная, яркая речь, но... утомленное от усиленного труда сознание воспроизводит нередко только бледные образы, и оттого бледною становится прощальная речь. Боюсь, как бы и моя последняя речь к вам не произвела впечатление, подобное впечатлению тех, пылью покрытых книг, к которым притупился интерес после утомительных трудов в течение учебного года.

Но пусть будет и так! Изменились ли от этой пыли самые книги? И не делаются ли они по прошествии известного времени опять источниками воды живой для человека? Хотелось бы, чтобы то же было с нашими трудами учебными и беседами по вопросам жизни на курсах. Пусть изменяется в своем течении жизнь ваша, которая не может быть втеснена целиком в школьные, учебные рамки; но если на курсах было много хорошего, что теперь более ценным кажется при разъезде, то пусть и воспоминаниями о курсах, оттесненные прочими впечатлениями жизни, оживут со временем в душах, хотя и побледнеют на время. Пусть будят они лучшие струны души, высокие ее порывы, когда опять придется приняться за рядовую, безвестную, подчас как бы бесплодную работу земледельца и сеятеля на ниве народной души. Если общение наше здесь во время школьных занятий, в промежутках между ними, а также в церкви было источником некоторого подъема души, возбудителем лучших ее настроений, то пусть не сглаживаются окончательно следы этого общения и от текущего и все с собою уносящего времени, которое не само по себе, впрочем, а благодаря заботам житейским и растлевающим жизнь души страстям все покрывает плесенью. Все ветшает от времени, но обветшание это можно задержать на целые годы, даже десятки лет, пока не настанет время, по слову Христову, «приготовлять себе влагилице неветшающее, сокровище неоскудевающее (для жизни) на небесах» (Лк. 12, 33). Душа имеет способность быть всегда юною. Такими были по душе великие педагоги и писатели Песталлоцци, Ушинский, Пирогов. Таковы в особенности люди, на Христе ос-

новавшие все движения души и дела жизни. На таких людях сбывается во всей полноте слово Христово: «се, творю все новое» (Откр. 21, 5). У них сияет седина мудрости и разума в дни юности, в дни же старости остается душа столь же юною и чистою, как прекрасная душа младенца.

Итак, с глубокой, вдумчивой мыслью, озаряющей то, что было в период занятий на курсах, порвем нити, прикреплявшие к этому месту не тело только, но и душу. Если дороги нам эти нити и жаль их теперь порвать, то заменим внешние нити более тонкими, но более крепкими и надежными нитями души, протягивавшимися незаметно в течение месяца в сердцах. А они не могли не протягиваться, потому что множество труда, интереса, жизни души вообще вложено было вами в работу на курсах. Если же по свойственным каждому человеку немощам по временам замедлялся темп этого жизненного интереса, благодаря разным сторонним впечатлениям, если то, что истинно дорого, ценилось по временам менее, чем дешевые блески этих сторонних впечатлений, – от чего предостерегала, между прочим, и моя вступительная, всеми забытая теперь речь, – то да будет оценено то, что дорого, теперь, при его лишении.

А совпадение дня разъезда вашего с днем памяти князя-просветителя народа русского, оценившего бесповоротно при взгляде на картину Страшного Суда, что истинно дорого, что ожидает людей, находящихся здесь (в раю) и там (в пламени огня геенского), да напоминает нам, как всегда должны мы искать и дорожить прежде всего тем, что воистину наиболее ценно, что освящено Христом, минувя все прочее, что нас столь обманчиво увлекает.

Речь при закрытии певческо-педагогических курсов [*16]

Дорогие учителя нашей скромной, но носящей в себе глубоко жизненную идею церковной школы!

Да будет дозволено мне при прощании с вами высказать несколько прощальных сожалений. Первое из них касается того, что я, обремененный подчас безмерной работой в дни курсов, не мог отнестись с надлежащим вниманием к главному вашему делу, не мог наблюдать, как вы занимаетесь и воодушевляетесь церковным пением, не мог беседовать с вами об осмогласии, основе пения церковного, об обиходе, в звуках которого скрыта такая полнота духовно-церковной жизни и настроений. А между тем и я ведь так люблю церковное пение, и я ведь, хотя мимоходом, упоминал вам на своих лекциях по дидактике о мифическом Орфее, пением своим укрощавшем диких зверей, о том, как звуки пения церковного легко и без труда заставляют звучать лучшие струны нашей души, воскрешать, казалось бы, давно уже погребенные забвением лучшие воспоминания прежней жизни. Теперь остается высказать лишь свое запоздалое сожаление по поводу того, что отнята была возможность даже следить за занятиями, вас на курсах наиболее увлекавшими, а также радость по поводу того, что, как слышу, увлечение ваше было велико. Затем другое сожаление, которое теснится в душу, – это о том, что так пришлось мне сократить и урезать курс дидактики. Я успел едва, и то с обрезом, сказать вам о задаче начальной школы и о том, каков должен быть ее учитель и воспитатель. Правда, значение этих вопросов в дидактике равносильно значению головы и туловища в теле, но все же тело не может быть без ног: мне же и не пришлось коснуться отдела о самых методах или как бы путях обучения и воспитания.

Я успел наметить только общее направление этих путей, именно постарался как можно глубже запечатлеть в умах ваших ту истину, что вся жизнь школы, все малейшие пути и шаги учителя и воспитателя должны быть обвеяны христианством, как воздухом, которым всякое живое существо дышит. Это не значит, что умственное развитие в школе обесценивается. Напротив, я старался и в отделе о задаче начальной школы показать, что христианство лишь дает свободу уму челове-

ка, открывает самый широкий простор его деятельности, дает ключи к самым глубоким откровениям школы в науках истины, – и в отделе об учителе школы, очертив ясно качества ума учителя и характер истинной образованности, и в отделе о том, как учить и воспитывать в школе, указывал постоянно способ всестороннего развития ума; мало того, в отделе методики Закона Божия хотел выяснить, что поставленное на философско-психологическую основу (путем особенно вопросо-ответной формы обучения в катехизисе) преподавание Закона Божия ведет лучше всего и к умственному развитию. Точно так же неисчерпаемую сокровищницу не только религиозно-нравственного, но и умственного развития является славянский язык.

Но все-таки везде старался я выставить на вид, что умственная жизнь есть лишь верхний слой духовной жизни человека; что дело учителя – провести борозды и в более глубоких слоях духовной жизни – в жизни сердца, «источника жизни», и в воле, с ее страстями и привычками, составляющими «вторую правду» человека, – что душа, если присмотреться к этим более глубоким слоям ее жизни, по самой природе своей оказывается христианской (Тертуллиан). И вот я видел с сожалением, даже с огорчением, как приходится мне обрезать свой курс, лишив его как бы столь важных частей, как ноги в организме. Я признавал, что мой предмет не главный на ваших певческих курсах, и никого не виню, принимая во внимание краткость курсов, но все же подавить совершенно сожаления не мог. Наконец, не могу я не выразить сожаления, что мало имел возможности входить в общение с вами. Видя ваше внимание к лекциям, наблюдая, как вы по временам «ловили» каждое слово лекций, я все более воодушевлялся для беседы с вами. Тем не менее, хотя дух мой все более разгорался при вид вашего воодушевления, я должен был насильственно пресечь свои беседы, как бы на полуслове, и теперь в последний день ограничиться лишь сожалениями о том. Моя душа порывалась многократно возобновить прерванную беседу, но никак было нельзя. Поэтому в заключение поблагодарю вас за

ваше внимание, за то, что своим вниманием и усердием вы воодушевляли меня здесь, воодушевили и на дальнейший подвиг, который, «Богу содействующу», я буду продолжать.

Примечания

- [*1] УЕВ. 1902.
- [*2] УЕВ. 1902.
- [*3] УЕВ. 1902. № 18-24. С. 1229-1232.
- [*4] Речь произнесена 2 июня 1904 г. ОЕВ. 1904. № 12. С. 354-359.
- [*5] ОЕВ. 1904. № 14. С. 421-427.
- [*6] ОЕВ. 1906. № 20. С. 456.
- [*7] Произнесена 8 июня 1908 г. в церкви Олонецкой Духовной семинарии в Неделю Всех святых. Приложение к ОЕВ. № 13. 1908.
- [*8] Произнесена в церкви Олонецкого Епархиального женского училища 15 июня 1908 г. в Неделю 2-ю по Пятидесятнице. Приложение к ОЕВ. № 14. 1908. С. 1-2.
- [*9] Произнесена 9 июля 1908 г. в помещении Олонецкой Духовной семинарии. ОЕВ. 1908. № 16. С. 367-368.
- [*10] Произнесена 3 сентября 1908 г. в церкви Олонецкой Духовной семинарии. ОЕВ. 1908. № 18. С. 397-399.
- [*11] Произнесена 11 мая 1909 г. ВЕВ. 1909. № 22. С. 443-445.
- [*12] ВЕВ. 1910. № 24. С. 439.
- [*13] ВЕВ. 1910. № 25. С. 457-458.
- [*14] ВЕВ. 1910. № 39. С. 700.
- [*15] Произнесена 14 июля 1911 г. ВЕВ. 1911. № 31. С. 609.
- [*16] ВЕВ. 1914. № 30. С. 504.